

Евгений Водолазкин «Оправдание острова»

«– В Средневековье комету принимали за змея?

Вы же не будете этого отрицать?

– Я не могу отрицать очевидное.

– А сейчас?

– А сейчас змея принимают за комету».

(Е. Водолазкин, «Оправдание острова»).

Евгений Германович Водолазкин – российский писатель, специалист по древнерусской литературе, сотрудник Пушкинского дома, ученик Д. С. Лихачёва. Благодаря своему роману «Лавр» о средневековом юродивом, способном исцелять словом, он получил премии «Большая книга», «Ясная поляна» и, кажется, открыл новую страницу в истории глубокой русской прозы. Однако на фоне этого успеха роман «Оправдание острова», вышедший в 2020 году, остался как будто бы в тени, хотя он в сущности продолжает те же центральные для Водолазкина темы – история, язык истории и место человека во времени, а также вновь отсылает нас к Средневековью.

Действие романа сложно описать, вовсе невозможно вполне передать его содержание, его можно только прожить. Это и роман в романе (точнее: история в истории), и авторские отступления (на самом деле автор всегда будет героем), и комментарии к тексту от непосредственных участников событий. Это хроника загадочного Острова, отделенного от Большой Земли, на котором происходят междоусобицы, предательства, братоубийственные войны, но рождается и любовь, создаются семьи, заключается мир, чувство народное берет верх над личным. На четырех сотнях страниц можно прочитать историю не только России, но и любой большой страны, проникнуть в мысли хрониста, понять, как создается ткань (“текст” происходит от лат. *textus* – ткань) истории. Легко и не без иронии автор показывает, из каких побуждений и как именно историк может прибегнуть к лукавству и какую цену за это понести. Здесь будет место и трагизму, и трогательным отступлениям, и горечи ошибок – всего того, из чего складывается история народа, страны и каждая личная судьба.

Подход автора к миру своих романов порой сравнивают с магическим реализмом, в котором мистические или магические события вплетены в реальную картину мира и не требуют никакого объяснения. Однако это совершенно не магический реализм Маркеса или Кортасара. Здесь, скорее, язык древнерусской литературы, язык жития, предания, летописи. Это особое восприятие мира в его целостности, вневременности, не ограниченное научным

познанием, человеческими возможностями, даже человеческой жизнью. Герои, которым больше трёхсот лет, сбывающиеся пророчества, предчувствия, исчезновения... Все детали облекаются в такую тонкую, остроумную языковую форму, что в какой-то момент перестаешь воспринимать их как нечто необыкновенное – нам открывается самая настоящая реальность, нужно просто увидеть связь между реальными событиями и духовными, между видимым и невидимым. Если «Лавр» был наполнен анахронизмами, которые постоянно выталкивали читателя из реальности романа (пластиковая бутылка в средневековом лесу, обилие заимствованных слов в речи героев и т. д.), зачастую вызывая недоумение, то «Оправдание острова» последовательно ведет нас от глубокой древности до условных наших дней и два главных героя идут сквозь это время, а старина у автора получается не менее объёмной и живой, чем современность. И хотя это совсем не характерно для привычной нам истории, понятие времени здесь не так уж важно, это концепт, созданный человеком, а не владеющий им. Как пишет один из героев романа: «Да, у всех людей есть общее время, но оно – не более чем пунктирная линия, с которой соединяются личные времена каждого из нас». В конечном счете, всё сводится к взаимопроницаемости времен, и сверхзадача историка, да и всех людей – обрести прошлое как настоящее, прожить чужую жизнь как свою, и тогда даже будущее не будет таким загадочным и непредсказуемым. У Е. Водолазкина такой способностью обладают люди особенные – юродивые, провидцы, святые – те, кто уже живёт в вечности. И в «Оправдании острова» к этим людям автор относит еще и “средневековых” историков, которые, в отличие от современных, смотрели на историю в несколько другой проекции – сверху.

«Только красивое истинно или, выражаясь в духе хроники, глубоко. И наоборот: только глубокое по-настоящему красиво. Чтобы тексту верили, он должен быть красив».

(Е. Водолазкин «Оправдание острова»).

*Текст подготовила К. С. Ицкарь,
библиограф справочно-библиографического отдела
Научной библиотеки ПетрГУ*